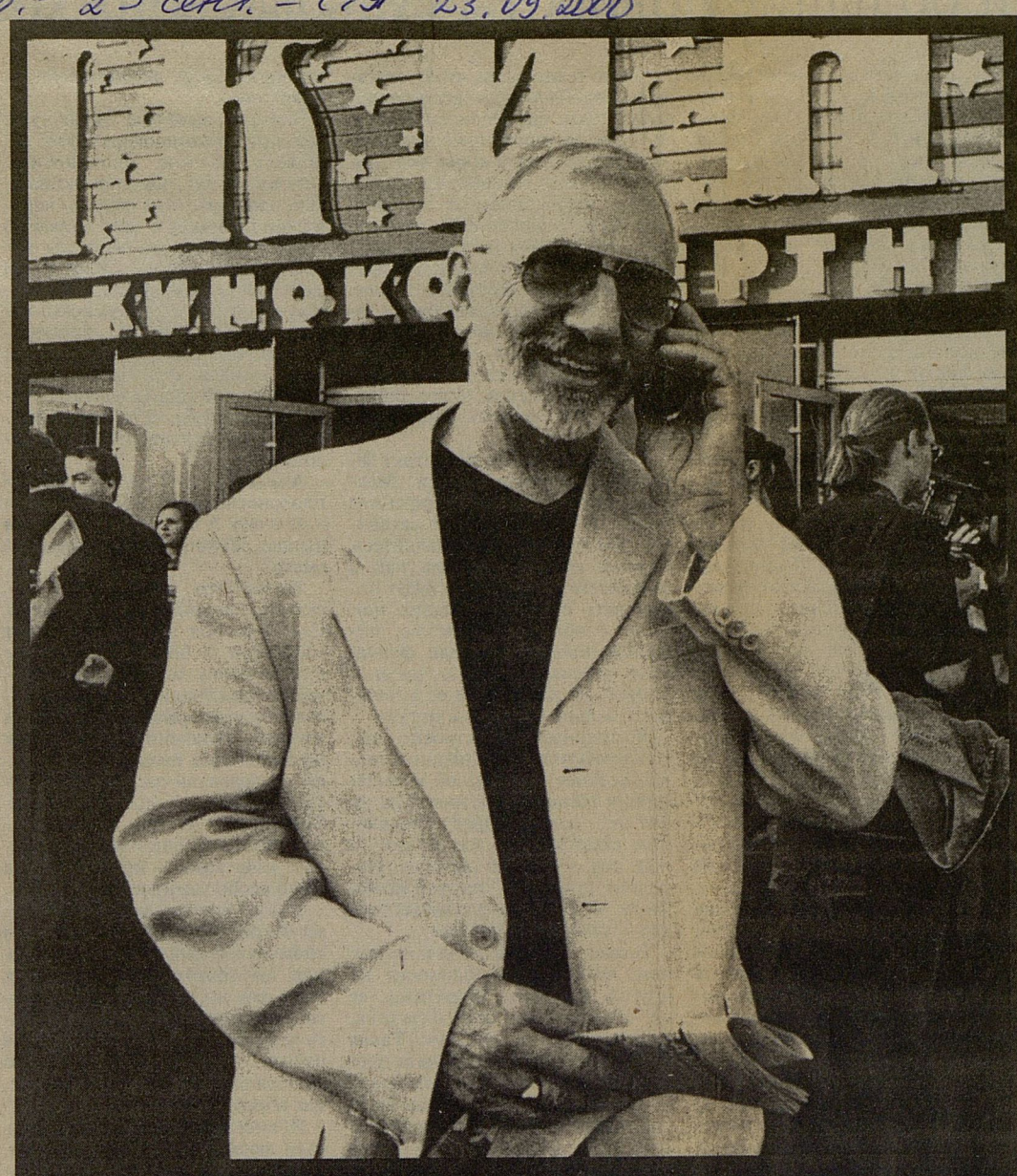
Мережко Виктор Иванович

23.9.2000.

Независимая газета. — 2000. — 23 сент. — с. 9 23.09.2000

Татьяна Никишина



Виктор Мережко
Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

КОВАРСТВО, КРАСОТА, ТАЙНА И МАТЕРИАЛ ДЛЯ СЦЕНАРИЯ

Виктор Мережко открыл закон женской сути

ВИКТОР ИВАНОВИЧ, до ВГИКа вы окончили Полиграфический институт, потом стали драматургом. Почему?

– Дело в том, что по корням и по воспитанию я человек сельский. Театр, художественные галереи, классическая музыка были где-то далеко. К нам в село приезжала кинопередвижка и показывала фильмы. Для меня кино было окошком в мир, иллюзией жизни. Я любил торчать в кинобудке и ощущать запах пленки. Сначала я хотел быть моряком, потом летчиком, затем артистом. В Полиграфический институт поступил вынужденно, в связи с тем, что наша семья жила очень бедно и нужно было куда-то поступить. Я поступил совершенно случайно, совсем не понимая, что такое полиграфия. Но мечта о сказке, в которой есть другая жизнь: цветы, аплодисменты, съемочная площадка и так далее – все время была у меня в голове. В те годы во Львове проходили съемки «Овода», и я стоял в толпе зевак. Тогда я не мог представить, что когда-нибудь буду знаком с Олегом Стриженовым, который снимался в этом фильме. Такая шизофреническая мечта, как причастность к кино, сопровождала меня всю жизнь. Да и сейчас я настолько люблю кино, что мне трудно себе представить, что я мог бы работать директором какого-либо издательства. В Ростове же я был на пути к этому, и меня как молодого специалиста приглашали остаться. Мои родители жили бедно и получали от меня помощь, но, когда я сообщил маме, что еду поступать во ВГИК, она сказала: «Конечно. Если ты так решил, сыночек, то поступай, мы как-нибудь проживем». Я поступил.

– Тогда на каком месте по важности стоит тележурналистика?

– Если учесть, что я уже 14 лет на телевизионном экране (7 лет вел «Кинопанораму», 7 лет – «Мое кино»), то это, безусловно, часть моей жизни. Я бы разбил так: 1) кино; 2) театр; 3) телевидение; 4) общественная жизнь.

– Над чем вы сейчас работаете в кино?

– Я написал первые 10 серий для фильма под рабочим названием «Сага о криминале». Речь там пойдет о сращивании государства с криминалитетом. Главный герой – милиционер, который, внедрившись в криминальные структуры, начинает их поджимать, желая заставить работать на государство. Этот фильм будет состоять минимум из 20 серий. Полгода назад я закончил пьесу «Мужчины по выходным», в которой будет занята звездная троица: Янковский, Збруев и Абдулов. Недавно поступил еще один заказ на сериал. Так как кино снимается очень мало, а сериалы и окупаются хорошо, и доходят до зрителей, то в ближайшем будущем я планирую работать над сериалами.

– Семь лет назад вы сказали: «Кино сейчас никого не интересует: ни правительство, ни президента. На него не дают денег. Его не показывают в кинотеатрах. Но даже если картина снимается, ее почти никто не видит. Идут только американские фильмы, которые вытесняют русскую культуру». Изменилась ли ситуация?

– Могу повторить те же слова и сейчас. Государство – это самый серьезный заказчик. Кино – это не только культура и искусство, кино это еще идеология. Мы живем сейчас по американской идеологии во многом благодаря кино. Лучшие законы, лучший президент, лучшая страна, лучшие полицейские, лучшие женщины – это нам преподносит Америка. Уверяю вас, Америка – совсем не такая безоблачная, как нам показывают в фильмах. Но мы любим эту страну, для нас она – страна мечты. Все это делает кино. В свое вре мя, при советском режиме, была иллюзия великого государства благодаря кинематографу. Причем американцы идут по нашей схеме. У них только положительный герой, только хеппи-энд. Государство должно заниматься идеологией и духовностью своего народа. Я сторонник того, чтобы кино в большинстве своем было государственным. При этом идеологическая цензура должна быть исключена, а моральная и нравственная – всячески поддержана. Нельзя воспитывать наших детей на преступлениях, на грязи, на цинизме.

Ситуация в кино сейчас еще плачевнее, чем 7 лет назад. Раньше была иллюзия, что фильмы могут окупиться, государство сделает капиталовложения, даст налоговые льготы, которые освободят от определенных финансовых сложностей. Сейчас же государство «завинтило гайки», и ни один спонсор не захочет вкладывать деньги в фильм, который не окупается. Один миллион долларов – это минимальная стоимость фильма, и эти деньги нельзя получить в прокате. Ведущие кинотеатры: «Прага», «Стрела», «Горизонт», «Кодак-киномир» – они показывают только американские фильмы.

– Каковы ваши прогнозы на будущее кинематографа?

– Плачевные. Фильмов будет еще меньше. У государства карманы дырявые, большую дырку проделала Чечня. Государству сейчас не до идеологии и культуры, не до духовности, хотя это колоссальная ошибка, ибо государство, лишенное идеологии, со временем обязательно станет варварским и само себя уничтожит. Кино будет получать все меньше и меньше денег, а для проката у нас нет кино со звуком Dolby Stereo. Мы же снимаем не на объемный звук, а на плоский. В дальнейшем все это может повлечь за собой убиение профессий кинорежиссера, киносценариста, монтажера, гримера. Пока лишь структура Гусинского, на которую сейчас «наезжают», дает возможность кинематографистам ощущать, что кино все-таки существует – за счет сериалов и отдельных фильмов. От преследований Гусинского кинематограф может пострадать, и это нельзя не учитывать, ведь Гусинский кормит кино и дает кинематографистам работу.

– Какими своими картинами вы гордитесь?

– «Здравствуй и прощай», «Вас ожидает гражданка Никанорова», «Трясина», «Родня», «Полеты во сне и наяву», «Прости», «Уходя – уходи», «Под небом голубым», «Курочка Ряба», «Рэкет». А так у меня более 40 фильмов.

– В будущее вы смотрите с оптимизмом?

– Конечно. Я владею профессией, хорошо умею писать пьесы и сценарии. То, что последний мой сценарий для фильма «Сага о криминале» руководство Киномоста приняло с большим удовольствием, является для меня подтверждением, что я умею писать, может быть, лучше всех.

– Вас называют знатоком женской души. Вам не хочется уйти от любовно-женской тематики, сменить амплуа?

– Нет, не хочу и не буду. Я очень люблю женщин. Женщина – это другая планета, тайна. Женщина – коварство, красота, переменчивость, восторг, сумасшедший мир, мерзость. В ней все это намешано. Для меня женщина как для мужчины – невероятно соблазнительна. Еще она невероятно интересна как материал для сценария. Женский характер легко подчинять, но потом уже и он начинает подчинять себе. Женская алогичность, спонтанность, стихийность раскрепощают сюжет. То, что я знаток женской души, случилось потому, что я раскрыл главный закон женской сути: женщина не способна поступать правильно, она поступает всегда так, как ей хочется. А правильно это или нет – ее не волнует. Вот она так хочет – так и поступает.

– По-вашему, каков герой нашего времени и какова героиня?

– Думаю, что герой нашего времени и есть главный герой в будущем фильме «Сага о криминале». Герой нашего времени – это, безусловно, патриот, человек очень гармоничный, достигающий своей цели и в итоге оказывающийся в безумном одиночестве. Он не дает женщине того, что должен давать мужчина, и она его оставляет. Он весь в деле, весь в проблемах, проститутках, которых можно легко купить, весь в тревогах за свою жизнь и жизнь близких. У него даже с потенцией хуже, чем у советского человека, потому что советский мужчина пришел домой, а там или жена, или любовница, и все у него в порядке. А герой нашего времени постоянно в стрессовом состоянии на работе, из-за доступности женского тела (купить можно за 100–300 долларов без проблем) – неумение любить, неумение сконцентрироваться на единственном и неповторимом человеке. Современная же героиня – не менее одинокая и неудовлетворенная, не менее отчаявшаяся в том, что может получить полноценное женское счастье. Она может делать все что угодно, но она не сломает ход истории. Через 20–30 лет, когда ситуация в стране стабилизируется, тогда и появится покой и уверенность у мужчин, а стало быть, они будут уделять семье и женщине достойное внимание: целовать руки, говорить комплименты. Раньше герой был одинок в силу своего инфантилизма и безволия, а теперь – из-за своего рационализма и душевной изоляции.

– Если у человека нет черт героя нашего времени, то может ли он сегодня быть счастлив?

– Прежде всего: если нет чувства уверенности в завтрашнем дне, то о каком счастье может идти речь? Счастье знаете, когда бывает? Вот я влюбился в вас, и я буду счастлив, находясь с вами за столом, на улице, в постели. Но как только вы уйдете, я начинаю думать о том, где бы мне заработать деньги. Там – невозможно, там – валится, там – вдруг закроют, и я начинаю работать как компьютер. Это происходит из-за того, что я не могу оставить вас, не могу оставить своих детей, не могу оставить на произвол судьбы себя. Начинается беспокойная тревога в душе, приводящая к стрессовому состоянию.

– А себя вы можете назвать героем нашего времени?

– Я, скорее, герой переходного времени: с одной стороны – того времени, а с другой – этого. У меня двое прекрасных детей, любимая работа, но это не значит, что меня не посещают различные сомнения. В советское время было все гарантировано, а теперь – никакой определенности, и я беспокоюсь за детей.

– Вы считаете себя рациональным человеком. А как, по-вашему, надо жить – разумом или чувствами?

– Мужчина должен жить разумом, а женщина – чувствами. Мужчина и женщина – это две разные планеты. В силу природы у мужчины превалирует разум, он анализирует, у него на первом месте голова, а на втором – сердце, а у женщины все наоборот.

– Вы считаете, что нельзя найти золотую середину и совмещать разум и чувства?

– Я пытаюсь совмещать, но все равно – разум на первом месте. Я могу влюбиться в женщину, но при этом всегда понимаю, что на первом месте у меня дети. Мне говорят, чтобы я создал новую семью, но я отвечаю: «Нет. У меня есть двое детей, которых я никогда не оставлю». То есть, если я люблю женщину, и она говорит: «Подвинь своих детей в стороночку, а я сяду рядом», я не могу их подвинуть, так как я предам их.

– Как в своих работах вы сочетаете выдумку и реальность?

– Как правило, больше выдумки. Я сочинитель, а не летописец. С помощью выдумки я просто комбинирую факты. В этом, наверное, и состоит особенность драматургии. Если взять все ту же «Сагу о криминале», то в ней аналогии есть с определенными криминальными авторитетами, ситуациями как в Москве, так и в других городах. Но это не значит, что я беру и списываю все из жизни.

– Как вы относитесь к феминизму?

– Мне кажется, что женщина настолько хороша и самодостаточна, что придумывать такую игрушку, как феминизм, ей сейчас не нужно. Это кто-то пытается сделать имя и карьеру или это шизофрения. Природу человеческую нельзя насиловать, она при насилии даст какой-либо перекос. Хочется носить штаны – носи, хочется курить – кури, но заставлять женщин превращаться в стадо, крича при этом: «Мужики! Подлецы! Не угнетайте нас!» – это неправильно. Вас угнетают тогда, когда перестают любить. Именно тогда вы чувствуете себя угнетенными существами. Это происходит из-за того, что любовь продается. Спросите сейчас девочку о том, кем она хочет быть. Она ответит, что хочет быть женой «нового русского». Уже в девятом классе она мечтает о том, чтобы захватить мужика с большим кошельком и укатить подальше отсюда. Ей не важно, любит ли ее мужчина или нет, нравится ли он ей или нет. А более красивых женщин, чем в нашей стране, нет. Я объездил много стран, но каждый раз, когда приезжаю в Россию, обязательно встречаю много красивых девчонок. Значит, нация в принципе здоровая. Поэтому заставлять женщин опускаться до того, что они вынуждены себя продавать или стоя на улице, или полуобразованному «новому русскому», – это и есть перекос времени.

– На какого зрителя ориентируется передача «Мое кино»?

– Раньше она ориентировалась на консервативного зрителя, который знает и любит наше кино, следит за его вялотекущим процессом. Но однажды я понял, что это не совсем верная ориентация, рассчитанная к тому же на людей старше 35 лет. После того как пришла работать на передачу в качестве режиссера моя дочь, программа помолодела. После нововведений расширились рамки нашей аудитории. Мы это видим из писем, которые к нам приходят. Один раз мы гуляли по Арбату с Никосом Сафроновым и пили пиво. К нам подошли молоденькие девочки и сказали: «Ой, мы смотрели вашу программу с Алсу. Какая она прикольная, какая классная!» Для себя я отметил, что «Мое кино» уже смотрят 17-летние зрители.

– Какие у вас недостатки?

– У меня их нет. Правда, иногда я бываю вспыльчив и могу неадекватно отреагировать на какой-либо незначительный факт. У меня для этого случая есть правило: посчитай до десяти. Прежде чем ответить что-то резкое, я почти всегда считаю до десяти. Но иногда забываю об этом и «взрываюсь». В остальном – я не хам, я не лезу в чужую жизнь, я не бездарь и занимаю только свое место, я никому не перехожу дорогу, я очень люблю своих детей и женщин. У меня есть друзья, которых мало, но я их не предаю. У меня нет повода брюзжать и занимать позицию агрессивного господина. Лучшее мое качество – это то, что я никому не завидую, потому что знаю свое место в кино, в жизни, в театре, на телевидении. Оно высокое, и выше мне не надо. Я не знаю, кто из драматургов может быть выше меня.

– А что для вас значат свобода и независимость?

– Свобода – если я хочу выпить, то я выпью, если я захочу полюбить – полюблю, если я не хочу работать, то... Нет, это исключено, так как я всегда хочу работать и не имею права не работать. Если я хочу что-то сказать человеку, то я скажу, иногда, правда, посчитаю до десяти. А независимость – это чувство достоинства. Когда я даю кому-нибудь автограф и вижу, что человек интересный, то я пишу: «Будьте достойны!» Достоинство – это не гордыня, не высокомерие, это чувство самоценности. То есть ты – единственный и неповторимый.

– Как вы ведете себя, когда на вас давят? Вы сопротивляетесь?

– Нет, я ухожу. Сопротивляться – значит вызывать дополнительный огонь на себя. Когда на меня давят, я делаю вид, что ничего не видел, не слышал и не хочу об этом знать. В подавляющем большинстве случаев я не вхожу в конфликт с человеком, который на меня давит. Один мой близкий приятель, после того как против него началась грязная волна в прессе, заявил: «Я подам в суд на журналистов». Я ему сказал: «Да ты с ума сошел. Они для того и пишут, чтобы ты подал в суд. Ты окажешься в центре такой грязищи, из которой потом никогда не выберешься».

– Что бы вам хотелось изменить в себе?

– Возраст. В остальном я хороший. Когда-то я поставил перед собой задачу: выжать из себя хама. На 90 процентов мне это удалось. Я так и воспитываю своих детей. Все можно решить, но без хамства. Мне бы хотелось, чтобы во мне осталось не более одного процента хамства.

– Насколько для вас важна внешность?

– Очень важна. Я не люблю мужчин, которые распускают свой живот и у которых слабые руки. Человек должен делать себя. Каждое утро полтора часа я уделяю зарядке. Слежу за лицом: хожу в солярий, пользуюсь специальными кремами. Не люблю, когда я неухожен и неаккуратен.

– Кто вам интересен и неинтересен?

– Мне интересны талантливые люди. Если человек талантлив, пусть даже он самый настоящий хам, общение с ним мне доставляет удовольствие. А женщина мне интересна, если она красива.

– Наше общество весьма политизировано. Вы следите за политикой?

– Я слежу не за политикой, а за ситуацией в стране. Меня огорчает, что опять начинаются конфронтация, война, страхи. Я ни в каких партиях не состоял, но принимал участие в судьбах отдельных людей.

– Вы ходите на выборы?

– Хожу. Это мой долг перед собой и детьми. Я хочу, чтобы мои дети жили в цивилизованном государстве. По бездарности все политики одинаковы. Я иду голосовать в качестве протеста или подчас из-за крохотной и иллюзорной надежды. Сам понимаю, что она недостижима, но обманываю себя.

– Что вы думаете о событиях, которые происходят в Чечне?

– О Чечне мы ничего не знаем. Как только туда пытается кто-то глубоко проникнуть, его сразу же убирают. Самое ужасное, что гибнут и чеченские, и наши дети. Чечня для меня – это боль, страх и недоумение. Если все это продолжать на таком же уровне, как сейчас, то этому не будет конца.

– А вы знакомы с изданием «Чечня. Белая книга»?

– У меня есть первая часть, и она меня потрясла. О Чечне кому-то известно, но вот кому – для меня это тайна. Там особая драма, особая система отношений.

– Спектакли по вашей пьесе «Кавказская рулетка» идут сейчас в нашей стране?

– В данный момент я веду переговоры с Театром имени Моссовета. Из-за сложности описываемой проблемы многие пока не спешат ставить эту пьесу. Так, в Ростове-на-Дону, когда обсуждался вопрос о постановке, позвонил в местный театр какой-то человек и пригрозил его взорвать, если увидит «Кавказскую рулетку». Пришлось в целях безопасности все отложить. А пьеса эта – одна из лучших моих пьес. Она не о Чечне. События охватывают Югославию, Абхазию, Таджикистан. Пьеса – о межнациональных конфликтах, которые происходят во всем мире.

– Просматривая фильмы, вы получаете удовольствие как зритель?

– Я не слежу за тем, как делали тот или иной фильм. Даже фильм «Полеты во сне и наяву», снятый по моему сценарию, я могу смотреть все время, потому что каждый раз волнуюсь. Я, как и всякий зритель, волнуюсь за героев. Иначе это было бы ужасно. Это все равно что хирург начнет разглядывать на пляже рубец от операции аппендицита на теле красивой девушки.

– В фильмах «Дикий пляж», «Прости», «Если есть паруса», «Рэкет» вы участвовали в качестве актера. Почему именно в них?

– Самая серьезная работа для меня была в «Диком пляже», где режиссер предложил мне роль сумасшедшего. Я был удивлен, но с удовольствием согласился и получил фантастическое наслаждение от работы. И даже на кинофоруме в Чехии я получил приз за лучшую мужскую роль. Но это скорее каприз и удовольствие, а не моя профессия. Я не могу сравниться по профессиональным качествам с Джигарханяном, с Калягиным, с Абдуловым. Но тем не менее артистичность во мне заложена. Наверное, я вправе иногда пробовать себя в качестве актера

– На критику вы обижаетесь или она вам помогает?

– В молодости я болезненно реагировал на критику. Но я заметил, что такая реакция шла во вред мне и моей работе. Так не бывает, чтобы все говорили хорошо. У меня есть потрясающее качество: я моментально забываю плохое. ■